

29
В 51

Р. Ю. ВИППЕР

ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ХРИСТИАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

29
В-51

В 51

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Р. Ю. ВИППЕР

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

31 ИЮЛ 2009

~~БИБЛИОТЕКА
Инв. № 3395~~

БИБЛИОТЕКА
Н М С
Инв. № 1358

З

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

Российский Институт культурного
и природного наследия
библиотека

«С религией, которая покорила Римскую мировую империю и в течение 1800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделаться, просто объявив ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы ее понять, необходимо суметь объяснить ее происхождение и ее развитие из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства» (Ф. Энгельс. Бруно Бауер и раннее христианство).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Документы раннего христианства были до последнего времени предметом почти исключительно теологического и только отчасти философского изучения; как произведения текущей литературы своей эпохи, как отражение социальных состояний и социальных настроений известного века, ни апокалипсы, ни послания, ни евангелия совсем не изучались.

Благодаря такой узости и однобокости метода могли удержаться до наших дней суждения о христианстве как единой стройной религии, провозглашенной основоположниками, которые жили в эпоху императоров дома Юлиев-Клавдиев (14—68 гг. н. э.), возвестили новую мораль, незнакомую античному миру, и определили принципы построения новой общественной организации, получившей название вселенской церкви. Миф о первоначальном, чистом, неиспорченном христианстве продолжает и теперь существовать, повторяется не только в вероисповедных кругах, но также молчаливо принимается и учеными либерального образа мысли.

Впервые просветители XVIII века стали указывать на искусственность этой конструкции истории христианства, обратили внимание на тенденциозность раннехристианских до-

кументов. Ученые XIX века, работавшие по большей части методами рационалистической школы, не исполнили научной задачи, поставленной веком просвещения. За исключением только Бруно Бауера и Фридриха Энгельса, они принимали всю конструкцию, созданную авторами новозаветных книг; они считали достаточным устранить элемент чудесного и перевести остальное содержание с языка мистики на язык исторической прозы Новейшего времени. Отсюда получались такие уродливые произведения полунучного, полуфантастического характера, как столь популярные в конце XIX века «Жизнь Иисуса» («Leben Jesu») и «Новозаветная современность» («Neutestamentliche Zeitgeschichte»), где фиктивные, изобретенные евангелистами II века, романические фигуры Иисуса Христа, апостолов, фарисеев, книжников и мытарей свободно вращаются среди реальной обстановки Палестины и Иерусалима эпохи Тиберия, Клавдия и Сенеки. (Таковы сочинения Давида Штрауса, Кейма, Гаусрата, а также Ренана — *Vie de Jésus.*)

Исследователи XX века (Смит, Робертсон, Дреус, Фридендер, Немоевский), работая иными, можно сказать, противоположными прежним методами, действительно развеяли вековую легенду о происхождении христианства. Они показали, что унаследованная нами, прожившая 1800 лет конструкция возникновения новой религии должна быть перенесена с первой половины I века на вторую половину II века.

Названными учеными выполнена как бы предварительная, отрицательная часть общей исторической задачи; они объяснили нам, что христианство возникло не так, как это изображалось до сих пор. Остается ответить на другие вопросы, осветить положительную сторону дела. А как же было в действительности? Как подготавливалось новозаветное христианство? Кто были его предшественники? Если христианства в законченном виде не было еще в I веке, то в чем состояла реальная религиозная жизнь этого столетия?

Мое исследование есть попытка ответить на эти вопросы. С этой целью я приступил к пересмотру религиозных документов, которые остались нам в наследство от творцов легенды, бывших одновременно и беспощадными разрушителями и искусными изобретателями. Научному исследователю нашего

времени они поставили величайшие затруднения; они передвинули по своему произволу и перепутали хронологический порядок выхода сочинений дохристианских и собственно христианских; они исказили содержание религиозных документов своими вставками и нагромождением в них наслоений, принадлежащих разным временам.

Исследователю нашего времени приходится одновременно быть критиком и реставратором, решать вопросы формального свойства (как, например, вопрос хронологический, вопрос о последовательных редакциях известного документа) и вопросы по существу, свойства материального (как, например, происхождение идей из известной социальной среды, появление новых обрядов или догматов).

Мое исследование ставит задачей рассматривать религиозные документы как свободные от экстаза произведения человеческого ума и воображения, авторов их — как мастеров слова и стиля, работавших за письменным столом, обращавшихся к определенному кругу читателей и слушателей (поскольку масса воспринимала предмет через посредство немногих, чтецов, читавших сочинения вслух), и — что особенно важно — как выразителей известных классовых интересов.

Вполне возможно, что я встречу с упреком в преобладании критики над конструктивностью, в незаконченности моей работы, поскольку я не дал изображения хода развития раннего христианства и ограничился лишь рядом исследований по отдельным вопросам эволюции религиозных идей и социально-религиозного устройства. Мое оправдание в данном случае состоит в том, что работа критики, ведомая передовыми учеными XX века, далеко не закончена, многие, и притом очень важные, вопросы еще не разрешены. В частности, некоторые из вопросов, относящихся к истории раннего христианства, я поднял впервые, и они еще подлежат научному обсуждению. Таков вопрос о хронологическом первенстве «Учения двенадцати апостолов» и «Пастыря» Гермы перед новозаветными сочинениями; таков вопрос о неисторичности «апостола Павла»; таков вопрос о зависимости евангелий от идеологии и литературной манеры Плутарха, — зависимости двойкой: от его биографической концепции и от его демонологической теории.

Что касается определения социальной роли раннего христианства, я ограничился в своей работе рядом замечаний о классовой основе и социальной природе отдельных сочинений двух предшественников христианства — «Учения двенадцати апостолов» и «Пастыря» Гермы, а также двух новозаветных сочинений — Посланий апостола Павла и Евангелия от Луки.

Часть I

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ХРИСТИАНСТВА

1. МИФ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ХРИСТИАНСТВЕ И ЕГО РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Со времени гуманистов конца XV и начала XVI века в европейской науке появилось понятие о «первоначальном», «чистом» христианстве, зарождение которого определило дату нашего летоисчисления и образовало новую эру истории человечества. Это понятие было тесно связано с попытками очистить тогдашнюю церковь от одолевших ее заблуждений и посторонних наростов и восстановить ее первые, самые ранние формы в том виде, как они были намечены основателями учения, возвестившего миру новое слово. Отсюда исходила критическая работа ученых, которые старались вдвинуть искомую эпоху идеального беспримесного христианства в ограниченные рамки первых веков нашей эры.

Ученые первой половины XVI века, Эразм, Меланхтон, Кальвин, Сервет (*Restitutio christianismi!*), были по приемам своим филологами. Их научные методы направлялись соображениями лингвистического и стилистического характера. Озабоченные вопросами чистоты языка текстов, а с другой стороны, руководясь мотивом борьбы с католической церковью, они определили период первоначального христианства в три столетия — от начала проповеди Иисуса Христа до принятия христианства Константином и обращения гонимой до тех пор церкви в господствующую.

В дальнейшем ходе развития науки существенно изменилось мировоззрение ученых, но осталась в силе прежняя задача теологической критики — открыть чистые, первоначальные источники христианства.

У деистов (в Англии XVIII века, в Германии XIX века), отстранивших догматологию и сохранивших только мораль

христианства, уже нет веры в Христа как сына божия, но осталось убеждение в том, что религия, проповеданная гениальным учителем Иисусом и распространенная его учениками, апостолами, составляла основное зерно, из которого выросло громадное древо с многочисленными ответвлениями от главного ствола. В их глазах, все же существовало первоначальное христианство, но только период его был гораздо короче, чем его в свое время определяли гуманисты-реформаторы: он простирался от начала проповеди Иисуса до составления новозаветных сочинений — до момента, когда от выраженной в них религиозной нормы начинают отклоняться разнообразные секты.

По своему мировоззрению либеральные теологи XVIII и XIX веков были рационалистами, отрицали чудеса, вмешательство сверхъестественных сил. Мистические образы новозаветных книг они переводили на язык бытовой прозы или старались истолковать в смысле символическом. Но при всем том они не покидали цели, поставленной еще три века назад, — открыть подлинное, первоначальное христианство.

Для научных приемов рационалистов очень характерна деятельность Давида Штрауса (David Strauss, 1808—1874). Его первая, знаменитая «Жизнь Иисуса» («Leben Jesu», 1835) вышла в момент острого кризиса религиозной мысли в Германии. В этой работе 26-летний доцент теологии, увлекаемый страстью к очищению религии, несомый на крыльях своего дара критического анализа, сводит все евангельские даты, одну за другой, к созданиям мифотворческого воображения учеников и последователей Иисуса. Все детали евангельского изображения у него оказываются преувеличениями или искажениями истинного характера и деятельности Иисуса. В «Жизни Иисуса» 1835 г. нет в сущности личности и жизни Иисуса, нет никакой конкретной истории. Нельзя догадаться, признает ли автор какой-либо основной ствол за разоблаченными им вьющимися паразитарными растениями; 1400 страниц огромной работы заняты только анализом пропуктов необузданной религиозной фантазии раннего христианства, только исследованием формации легендарных представлений о Христе.

Понятно, что сочинение Штрауса повергло в ужас церковно-протестантский мир. В самом деле, если оказалось воз-

возможным разложить образ пророка и страдальца на ряд легенд, наслоившихся друг на друга, если вся концепция евангелий есть не что иное, как искусственное нагромождение мифов, то у церкви нет больше прочного основания. Какая может быть вера в спасителя, если все, что рассказывается о провозвестнике христианского учения, — изобретения позднейших авторов? Однако Штраус и сам не хотел такого эффекта; он был преподавателем теологической науки, обучал будущих пасторов, сам готовился идти в священники. По прошествии почти 30 лет, после ожесточенной полемики, в которой были отступления и новые выпады, он выпустил свою вторую «Жизнь Иисуса» (1864). Здесь беспощадный разрушитель отступил назад и, выделив в результате тщательного анализа все легендарные мотивы, эпизоды и речи, все чудеса, недопустимые вообще в глазах рационалистов, построил небольшое, но, по его мнению, прочное здание, заключающее в себе группу *достоверных* фактов в жизни Иисуса и состав *подлинных* слов его учения.

Этой второй своей работе Штраус дал характерное обозначение — «для немецкого народа». Узкий консерватор по своим социальным убеждениям, он как будто хотел напомнить, что в первом сочинении обращался к специалистам, коллегам, к кругам высоко образованных, критически мыслящих людей. В первой работе его занимало само путешествие по океану анализа, сомнений, догадок и конструкций, но не последняя цель, — не тот берег, к которому можно было, наконец, пристать; вторую он предназначал для широких слоев, для простых людей, которым, по его мнению, надо было оставить нечто прочное и положительное, сохранить религиозный приют и убежище. Сам, эволюционируя к атеизму и материализму, он был недалек от того, чтобы смотреть на религию, как на «опиум для народа». И Штраус капитулировал перед противником, силы которого он в свое время разбил и развеял: он принял центральную легенду, главную концепцию составителей евангелий. Устранив все элементы чудесного, переведя все божественные явления на человеческую обыденность, он принял рассказы евангелий за реальное изображение жизни иудейского пророка, составленное на основании свидетельства палестинских очевидцев. Таким образом, Штраус, сухой,

какая в том заслуга? Ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая в том заслуга? Ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших и благотворите и займы давайте, не ожидая ничего, и будет вам награда великая и будете сынами всевышнего, ибо он благ и к неблагодарным и злым (ὅτι αὐτός χρηστός ἐστὶν ἐπὶ τοὺς ἀχαρίστους καὶ πονηροὺς). Будьте милосерды, как и отец ваш милосерд».

Эти добрые советы противоречат общей практике жизни, выступающей так ярко во всех отдельных эпизодах, в подборе нравоучительных притч, в практике жестких, беспощадных взысканий, в принуждении подчиненных и рабов к изнурительной непрерывной работе и т. д.

Автор настаивает на том, что целитель душ пришел не к мнящим себя праведниками, а именно к грешникам, что он снисходителен к грехам, только бы встретить со стороны грешников покаяние. Обилие грехов и тяжесть их — только лишний мотив к тому, чтобы проявить всепрощение. Он и самого Всевышнего (Κύριος) готов представить в виде великодушного заимодавца, который прощает двум должникам их долги; Иисус задает своим ученикам по этому поводу почти детский вопрос о том, кто будет более благодарен кредитору — тот ли, который задолжал 500 денариев, или тот, кто занял 50 денариев?

И всюду автор вспоминает в первую голову о любезных его сердцу кредиторах-«мытарях», которые занимают в обществе привилегированное положение. Первое и как бы предварительное покаяние у Иоанна Крестителя изображено в таких словах (VII, 29): «И весь слушавший его народ и *мытари* создали славу богу, крестившись крещением Иоанновым». В покаянии и крещении (III, 7—16) не принимают участия фарисеи и книжники, остальная же масса разделена на социальные категории с определением особых, приходящихся на каждое сословие заповедей. На вопрос *плебеев* (ὄχλος): «что нам делать?» — Иоанн отвечает: «у кого из вас две одежды, тот дай неимущему, у кого есть пища, делай то же самое». Высшим двум сословиям креститель ставит гораздо более умеренные и притом специфические требования. *Мытарям* на тот же вопрос: «что делать» — он отвечает: «ничего не требуйте более определенного вам»;

воинам (στρατηγομένοις) он говорит: «никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем».

Мне кажется, что социальная картина, отразившаяся в «Евангелии от Луки», вполне ясна; ясно и отчетливо выступает и тенденция, которая вдохновляет автора. Это — руководство для денежных людей, образующих правящую группу в больших христианских общинах, притом таких, которые живут в обстановке крупного городского центра, где происходит широкий и непрерывный обмен.

Автор «Евангелия от Луки», разумея под условным термином *τελῶναι* денежную аристократию, вполне сознает трудность и, так сказать, деликатность своей задачи. Не забывая ни на одну минуту об интересах того класса и той профессии, для которой он пишет руководство, он, однако, считает нужным сделать уступки другим социальным группам, исповедующим иные направления мысли. Так, его возглас «блаженны нищие!» имеет в виду доставить удовлетворение эбионитам, которые прославляли бедность, считали скудость быта состоянием, особенно угодным богу и близким к достижению райского блаженства. Этот афоризм можно понимать и так: «блаженны эбиониты!». Предложение, сделанное архибогачу юноше, — продать все имущество и раздать деньги нищим, — есть уступка направлению еще более крайнему, проповедовавшему полный и последовательный аскетизм, предвещавшему близящееся монашеское движение. Наконец, в «Евангелии от Луки» принято во внимание и настроение группы смиренников, пораженцев, упадочников, отчаявшихся в жизненной борьбе и искавших покоя в бездействии, принявших своим девизом «непротивление злу».

Эти широко распространенные направления нельзя было отстранять; напротив, их нужно было привлечь на свою сторону. Отсюда компромиссный характер «Евангелия от Луки». Отсюда противоречия и нескладности, которые в свое время пропускал без внимания благочестивый читатель, но которые постороннему беспристрастному критику бросаются в глаза. После внимательного анализа документа историку становится понятной композиция евангелия: оно составлялось искусным публицистом, исходившим от интересов влиятельной социальной группы, стремившимся утвердить ее господство,

пользовавшимся *демагогическими* приемами, которые состояли в провозглашении филантропических формул.

* * *

Своеобразие религиозных документов состоит в том, что их авторы, говоря о благах воображаемого потустороннего мира будущего, не могут отрешиться от современных им отношений, от будничных забот, от актуальных запросов, от своей ближайшей обстановки. Они сами рисуют нам свои собственные портреты, открывают свои сокровенные надежды и страхи. Иначе и быть не могло. Ведь прекрасная жизнь в раю обещана как награда за хорошее поведение в здешнем мире. Естественно, что идеализация будущего постоянно сбивается на исправление настоящего, благочестивая проповедь становится всесторонне обдуманном домостроем.

«Евангелие от Луки» ярко рисует нам ту общественную группу, которая образовалась в центре империи и начала слагаться в христианскую церковь, объявившую себя католической, т. е. вселенской. Уже в следующем, III веке она вступила в борьбу с империей. Вызов светскому языческому государству бросила могущественная финансовая сила, денежная аристократия.

Автор «Евангелия от Луки», сам того не подозревая, описал нам программу действий и, до известной степени, изобразил нам первые шаги организации, которая в течение почти двух тысячелетий будет называться смиренно церковью, государством Божиим, общиной не от мира сего, но которая фактически будет обладательницей колоссальных богатств, в первую очередь — денег, золота и серебра, сначала талантов, мин, денариев, потом солидов, флоринов, гульденов и т. д., — богатств, изъятых от пользования государством, изъятых и от действительной помощи бедноте, трудящимся классам общества.

Протестантские историки напрасно предполагали, что церковь «при зарождении своем» была бедной общиной или союзом таких общин и лишь позднее разбогатела, обмирщилась, испортилась. Церковь, если говорить о союзе общин, образовавшихся в центре, была уже в эпоху составления Нового завета крупной денежной силой, глубоко обдуманной финансовой организацией, о чем и свидетельствует разобранное нами «Евангелие от Луки».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне хотелось бы не столько повторить результаты своего исследования, сколько напомнить читателю о тех методологических путях, по которым я двигался в развитии своей гипотезы.

1. Прежде всего, я присоединяюсь к тем, кто считал необходимым отказаться от того представления, будто христианство сразу зажглось в одном очаге, сразу показалось как некое основное зерно или твердая норма, как учение, заключающее в себе точные директивы для апостолов новой религии. Обычная схема состоит в том, что канон Нового завета представлял такую именно норму, от которой потом начались отклонения в виде ересей (гностицизма, докетизма, монтанизма и т. д.). Я предлагаю, напротив, рассматривать ереси, т. е. различные, сначала обособленные, течения религиозной мысли, как исходные истоки, сливающиеся потом вместе; ереси — не незаконные дети, а родители христианства; христианство составилось из нескольких провинциальных направлений — палестинского, сирийского, египетского, малоазийского, объединившихся в центре империи.

2. Далее, я нахожу, что должно отказаться от традиционной схемы истории христианства, внушенной нам редакторами сборника новозаветных сочинений. Для критики этой схемы и для построения правильной, реальной истории христианства первым, наиболее важным вопросом является разрешение хронологической проблемы: вопрос состоит в том, как разместить произведения раннего христианства по времени их возникновения. Только после того, как мы поставим основные сочинения на надлежащие места, в настоящей последовательности, можно будет оценить их действительное значение и выяснить эволюцию христианских идей. В I веке н. э.

христианства еще не было, христианское учение еще не сформировалось, образа Христа не существовало. Дошедшие до нас сочинения I века — «Учение двенадцати апостолов» и «Пастырь» Гермы, которые по традиционной схеме были относимы к периоду «мужей апостольских», следует признать предшественниками христианства, отражением верований и учений дохристианских сект. При анализе дальнейшего развития христианских идей мы должны также переставить порядок выхода в свет сочинений: признать «Послания апостола Павла» более ранним произведением сравнительно с евангелиями, и притом отметить его «еретическое», сектантское происхождение, следы которого не вполне стерты даже после основательной, сильно изменившей его переработки, исполненной под редакцией организаторов канона Нового завета.

3. За хронологическим вопросом следует вопрос о литературном характере новозаветных сочинений. Здесь надо освободиться от представления о какой-то исключительности, единственности христианских писателей, об отчужденности их от идей, настроений и художественных форм века. Следует проникнуться тем взглядом, что раннехристианские произведения всецело зависят от современной им литературы, и рассматривать их в свою очередь как составную часть этой литературы. Работы христианских авторов не выше и не ниже культурного уровня века; христианская литература органически входит в эволюцию умственной жизни века; в свою очередь, век не может быть понят без включения в его культурный горизонт христианства (так, например, личность и правление Антонина Пия становятся понятны, лишь если мы привлечем для его освещения такой факт, как опубликование Юстином «Апологии»).

4. Применение нового метода в изучении раннехристианской литературы дает нам возможность придти к таким выводам в решении проблемы возникновения христианства, которые расходятся с традиционной схемой. Пока евангелия рассматривались как исторические документы для жизнеописания Иисуса Христа, порядок явлений в эволюции христианства представлялся в таком виде: сначала Иисус Христос как реальная личность, как возвеститель идеальной церкви, потом апостолы, наконец, одна великая церковь как реальная орга-

низация. Но если мы признаем сочинения, вошедшие в Новый завет, произведениями поздними, принадлежащими середине II века, а более раннее отражение принятых христианством идей будем видеть в «Учении двенадцати апостолов» и в «Пастыре» Гермы, то формула развития будет гласить иначе, в обратном порядке: в самых ранних произведениях уже есть представление о всемирной церкви, которая должна будет охватить все народы мира и которая уже осуществляется в рассеянных по всему свету реальных церковных общинах; далее выступают апостолы как связующий элемент между церквями, первый набросок организации. В течение этого периода Иисус — туманный образ божественного покровителя общин (подобно тому как в греческих сектах Орфей, Дионис, Геракл и т. п.). Под влиянием иудейских восстаний и появления воинствующего мессианизма к имени Иисуса присоединяется Христос, и образ принимает новые очертания. Среди событий надвигающейся мировой катастрофы его фигура видоизменяется, вырастает, сливается с образом сына божия; он начинает мыслиться как вождь святых против полчищ сатаны, как судья на суде божием, как правитель в тысячелетнем царстве.

В то же время, однако, под влиянием неудачи революции появляется и другое представление — о страдании божественного вождя и спасителя, о жертве, посредством которой он искупил спасение избранного народа, находящегося под его покровительством. В результате разработки этой темы в литературных и теософских сочинениях середины II века появляется новое представление о *первом*, уже состоявшемся выступлении Иисуса Христа, закончившемся его смертью на кресте и воскресением из мертвых. То, что предшественники христианства, выступавшие в I веке, считали ожидаемым нисхождением с неба сына божия в конце времен, событием единственным, приобретает теперь, в глазах верующих II века, новое значение, становится *вторым пришествием* после первого нисхождения, смерти на кресте и воскресения — *пришествием во славе*.

5. О социальных тенденциях и социальных достижениях раннего христианства писалось очень много учеными всех направлений — от консервативного, строго церковного до самого радикального. Каждое из этих направлений старалось

истолковать по-своему социальное содержание раннехристианских сочинений. Было ли раннее христианство благоприятно улучшению участи бедных классов общества, была ли в нем сильна демократическая тенденция, было ли выражено устремление к освобождению рабов, имелись ли в нем революционные, социалистические элементы?

Ответы на эти вопросы, как они ни были различны, смотря по тому, от какой ученой школы исходили, имели, однако, тот общий недостаток, что скользили по поверхности предмета, носили абстрактный характер, рассматривали христианство как систематическое целое, вне пространства и времени: то делались заключения от преобладавших в течение веков общих принципов, то вырывалась из контекста какая-нибудь звучная формула — «любите врагов своих», «блаженны нищие духом», «нет ни эллина и иудея, ни господина и раба, ни мужчины и женщины, а все едино во Христе» — и на таком изречении односторонне строилась общая оценка.

В своей работе я старался наметить, как мне казалось, наиболее правильный путь к изучению социального содержания раннехристианских сочинений. Остерегаясь сплошных определений и характеристик, следует прежде всего различать эпохи, произвести хронологическое расчленение, затем в пределах отдельных периодов расширить круг исследования путем сопоставления «христианских» памятников с «языческими», наконец, внимательно присмотреться к той социальной среде и обстановке, в которой возник тот или другой религиозный документ.

Предложенное мною разделение раннехристианской литературы на предшественников христианства (I век) и на собственно христианские, или новозаветные, сочинения (II век) я считаю гипотезой, имеющей за себя немало оснований. До тех пор, пока она не будет принята или отвергнута, я нахожу преждевременным составление систематически развернутой социальной истории раннего христианства. Напомню лишь сделанные мною наблюдения над отдельными памятниками христианской литературы.

Мне пришлось заметить у предшественников христианства («Дидахе», Герма) больше демократических мотивов, больше сочувствия бедноте, рабам, чем у позднейших новозаветных

авторов. Далее, я не мог не отметить нейтрального, почти холодного отношения к положению рабов и к вопросу об их освобождении у апостола Павла. Наконец, я нашел отчетливо выраженные рабовладельческие тенденции в том самом новозаветном сочинении («Евангелии от Луки»), которое обычно слывет демократичным по преимуществу благодаря притче о Лазаре и возгласу «блаженны нищие!».

Можно ли отсюда делать выводы более общего характера, заключать, что демократические и филантропические мотивы, столь заметные у предшественников христианства, с образованием во II веке Нового завета и властной организации церкви, вовсе оборвались, замерли, прекратили свою культурно-историческую роль? Нет, конечно. Эти более свободные и широкие социальные идеи сделались достоянием «еретических» сект Древности и Средневековья, ушли в народные низы, стали появляться как призывные возгласы и программы в народных восстаниях. Одновременно с образованием новозаветного канона в Малой Азии поднимается монтанизм, грозящий охватить другие части империи. Формацию Нового завета можно рассматривать до известной степени как крепость, выстроенную руководителями консервативных, владельческих слоев христианского общества против демократического движения, возглавляемого параклетом (утешителем), новым революционным Христом, противоположным миротворцу, изображенному в евангелиях.

Не исчезли, а лишь скрылись с поверхности моральные учения и обрядовые формы, соединявшиеся в замкнутых общинах предшественников христианства с принципами трудовой повинности и веры в спасительное слово странствующих апостолов. Они будут потом еще долго жить прерывистой, полной опасностей жизнью, мелькая в истории под названием павликиан, богомилов, катаров, лионских бедняков, вальденцев, бегардов, лоллардов, сохраняя традиции наиболее ранних религиозных документов начала нашей эры до времен реформаторов — Виклефа, Гуса, Мюнцера.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Стр.

Часть I. Предшественники христианства

1. Миф о первоначальном христианстве и его разоблачение 9
2. Терминология раннехристианских сочинений 16
3. «Пастырь» Гермы 33
4. «Учение двенадцати апостолов» 53
5. Египетские предшественники христианства 79
6. Катастрофа иудейства и отражение ее в апокалипсах 91
7. Послания и евангелия не могли быть составлены раньше 130—140 гг. 119

Часть II. Возникновение новозаветной литературы

8. Век филантропии и философско-религиозного просветительства 133
 9. Хронология новозаветных сочинений 141
 10. «Послание Варнавы» 148
 11. Апостол Павел в «Посланиях» и в «Деяниях апостолов» 170
 12. Литературная судьба «Посланий апостола Павла» 185
 13. Гностицизм, эсхатология и христология «Посланий апостола Павла» 202
 14. Моральные и социально-политические идеи в «Посланиях апостола Павла» 216
 15. Паулинизм и начало историзации образа Иисуса Христа 228
 16. Плутарх и составители евангелий 236
 17. Демонология и дух пророчества 248
 18. Социальные идеи «Евангелия от Луки» 262
- З а к л ю ч е н и е 282

Акад. Р. Ю. В И П Ш Е Р — ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор Издательства *Е. И. Кингисепп*
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *О. А. Руднева*
Переплет художника *Л. С. Эрман*

*

РИСО АН СССР 2510 А00263. Издат. № 556
Тип. заказ № 881. Подп. к печ. 8/IV 1946 г.
Формат бум. 60 × 92¹/₁₆. Печ. л. 18
Уч.-издат. 17 Тираж 10000.

Набрано в 1-й Образцовой типографии треста
«Полиграфинига». Москва, Валовая, 28.

Отпечатано во 2-й типографии Издательства
Академии Наук СССР. Москва, Шубинский, 10

53

